
Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

ПРОНИКАЯ В ГЛУБИНЫ ДУШИ: Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков

В усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите.

Рим. 12:11

1

Лев Николаевич Толстой (1828–1910) и Николай Семенович Лесков (1831–1895) — великие русские писатели, классики мировой литературы — в своем художественном исследовании жизни неотступно искали истину. Гениальные современники вели творческий диалог, проводили друг с другом своеобразное совещание по религиозно-нравственным, общественно-политическим, литературно-художественным и другим насущным вопросам. На протяжении многих лет писатели поддерживали активную переписку, встречались лично. «Какой умный и оригинальный человек!» — отозвался о Лескове Толстой после их первой встречи.

Лесков до последних лет своей жизни чрезвычайно ценил Толстого не только как выдающегося писателя, но и как исключительную по силе духа личность: «...он являет нам <...> не только громадный талант, ум и душу, но и (что в наш просвещенный век всего реже) большой, достойный почтения характер»¹. В письме от 4 ноября 1887 года В. Г. Черткову — другу и единомышленнику Толстого — Лесков признавался: «...люблю и чту в единомыслии с Вами человека, дух которого светит нам и ведет нас <...> О Л. Н-че мне все дорого и все несказанно интересно. Я всегда с ним в согласии, и на земле нет никого, кто мне был бы дороже его» (XI, 355–356). За год до смерти — 15 февраля 1894 года — в письме литературному критику М. О. Меньшикову Лесков продолжал утверждать: «Лев Николаевич есть драгоценнейший человек нашего времени»².

По свидетельству Андрея Николаевича Лескова — сына и биографа писателя, «ни к кому другому, начиная с первых же лет своего писательства, он не проявлял такого исключительного внимания как к величайшему художнику, <...> „мудрецу“, „великому человеку“» (2, 393). О многом говорит и тот факт, что на лесковском письменном столе стояли портрет и гипсовое изображение «пишущего Толстого».

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы.

¹ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956–1958. — Т. 10. — С. 90. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы римскими цифрами.

² Цит. по: Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. — М.: Худож. лит., 1984. — Т. 2. — С. 393. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.

Лесков пристально следил за толстовским творчеством с неослабевающим интересом, с напряженным вниманием: «Я люблю и почитаю этого писателя и слежу за его делом страстно» (XI, 301). Не раз он отзывался о произведениях Толстого в статьях, заметках, очерках: «Герои Отечественной войны по графу Л. Н. Толстому» (1869), «Русские общественные заметки» (1869), «Календарь графа Толстого» (1883), «О купельном мужике и проч. Заметки по поводу некоторых отзывов о Л. Толстом» (1886), «Ошибки и погрешности в суждениях о гр. Л. Толстом. Несколько простых замечаний против двух философов» (1886), «О хождении Штанделя по Ясной Поляне» (1888), «Курская трель о Толстом» (1891) и многих других.

Лесков вставал на защиту Толстого от разного рода нападков со стороны провластных и официально-церковных «направленческих» критиков и «присяжных ценовщиков литературного базара» (X, 90). «И эти унылые люди со всею их дальноркою расчетливостью ошибутся, и эту ошибку им покажет не кто иной, как этот, очень многими <...> отвергаемый незримый дух народа, о котором говорит всех смелее и, по-моему, всех лучше граф Лев Толстой в „Войне и мире“» (X, 425). Лесков способен был «сказать о Толстом не банальное, шаблонное слово» (XI, 301), и автор «Войны и мира» сочувственно принимал лесковские суждения. «Мне дорого тоже, что мои писания о нем его не огорчают» (XI, 301), — делился Лесков в одном из писем.

Толстой в свою очередь высоко ценил Лескова как «самого русского из наших писателей». 14 мая 1894 года он писал Лескову из Ясной Поляны: «...желаю только продолжения Вашей деятельности, хотя это желание не исключает и другого желания, собственного нам всем для себя, а потому и для людей, которых мы любим, чтобы они, а потому и дело их вечно, до смерти совершенствовалось бы и становилось бы все важнее и важнее, и нужнее и нужнее людям, и приятнее Богу» (19, 289).

При всей неповторимости художественных миров Лескова и Толстого, при всем своеобразии литературного воплощения усвоенных ими религиозно-философских идей русских классиков объединяло главное — вера в Бога, признание идеалов христианства как важнейших духовно-нравственных ориентиров, писательская деятельность «ради искания истины Христовой» (X, 412). Критик Меньшиков замечал, что лучших наших авторов «охватывает какое-то молитвенное настроение: с особенною силою начинает говорить в них совесть, жажда забытого идеала, предчувствие мировой тайны. Натуры талантливые уже по природе своей религиозны: талант есть особый вид религиозного чувства, он есть откровение духа, в природе скрытого, его правды и красоты»³.

Лесков заявил о своем согласии с Толстым и Достоевским в концептуальной статье «Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)» (1883)⁴. Работа полемически заострена против книги К. Н. Леонтьева «Наши новые христиане Ф. М. Достоевский и гр. Лев Толстой» (1882).

Опираясь на Пушкинскую речь Достоевского и рассказ Толстого «Чем люди живы» (1881), автор обвинял обоих писателей в ереси утопического, «розового» христианства: «...об одном умалчивать; другое игнорировать; третье отвергать совершенно; иного стыдиться, а признавать святым и божественным только то, что наиболее приближается к чуждым православию понятиям европейского утилитарного прогресса — вот

³ Меньшиков М. О. Художественная проповедь (XI том сочинений Н. С. Лескова) // Меньшиков М. О. Критические очерки. — СПб., 1899. — С. 340.

⁴ См.: Лесков Н. С. Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви) // Новости и Биржевая газета. — 1883. — № 1, 3. — 1 и 3 апреля; Лесков Н. С. Золотой век. Утопия общественного переустройства. Картины жизни по программе К. Леонтьева // Там же. — 1883. — № 80, 87. — 22 и 29 июня.

черты того христианства, которому служат теперь многие русские люди и которого, к сожалению, провозвестниками явились на склоне лет наши литературные авторитеты»⁵.

Леонтьев — выдающийся публицист, незаурядный литературный критик и религиозный мыслитель — считал, что каждый христианин должен прежде всего «внимать о своем загробном спасении, а все остальное приложится». Размышляя о «страхе Божиим», критик пришел к выводу, что это «страх от избытка земного благоденствия».

Лесков опровергает постулат Леонтьева о том, что в христианском вероучении превалируют мотивы страха и покорности, идеи о «наказаниях, о страхе, о покорности властям, родителям, господам — о проклятиях непокорным, гордым, неверующим»⁶; любовь же лишь плод страха. Писатель не может принять максимализма Леонтьева. По мнению Лескова, критик «в кичливом ортодоксальном азарте» не только извращает христианскую позицию Достоевского и Толстого, но и представления о самой сути христианства, истинный смысл которого — *в совершенной любви*. Апостол Иоанн Богослов призывал: «Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4:7–8).

Толстой замечал в одном из писем: «Я думаю, что любовь есть Бог, есть сама жизнь, т. е. божественное, что есть в человеке, и эта любовь <...> бесконечна, будучи заключена в человеке, стремится расширяться»⁷.

Пневматология (душеведение) любви и страха как религиозно-нравственных, философских, этико-психологических начал составляет ядро художественного мира самого Лескова. «Совершенная любовь изгоняет страх» (1 Ин. 4:18) — эти слова евангелиста Иоанна часто повторял писатель и даже сделал эпитафией к «Несмертельному Головану» (1880) — одному из «рассказов о трех праведниках».

Лесков также выражает свое согласие с «прозорливым» и «полнодумным» Достоевским, призывавшим в речи о Пушкине к всеобщей любви и солидарности: «Чувство общечеловеческой любви, внушаемой речью Достоевского, есть чувство хорошее, которое, так или иначе, стремилось увеличить сумму добра в общем обороте человеческих отношений»⁸. «Само христианство, — по мысли Лескова, — было бы тщетным и бесполезным, если бы оно не содействовало умножению в людях добра, правды и мира. Если так, то любвеобильные мечты Достоевского, хотя бы в конце концов они оказались иллюзорными, все-таки имеют более практического и плодотворного значения, чем зубовой скрежет г. Леонтьева»⁹.

В статье «О куфельном мужике и проч. Заметки по поводу некоторых отзывов о Л. Толстом» (1886) Лесков четко обозначил позиции выдающихся русских писателей — своих современников: «Достоевский был православист, Тургенев — гуманист, Л. Толстой — моралист и христианин-практик» (XI, 156). Собственные писательские и мировоззренческие установки Лескова в этой статье предстают достаточно отчетливо. Словом «гуманизм» они не исчерпываются. Все лесковское творчество одухотворяется христианской верой и русским православным подвижничеством. Увлекаясь взглядами Толстого — христианского «моралиста и практика», Лесков не принимал в офи-

⁵ Леонтьев К. Н. Наши новые христиане Ф. М. Достоевский и гр. Лев Толстой: По поводу речи Достоевского на празднике Пушкина и повести гр. Толстого «Чем люди живы». — М., 1882. — С. 4.

⁶ Там же. — С. 58.

⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. (Юбилейное издание). — М.; Л.: ГИХЛ, 1928–1958. — Т. 69. — С. 197.

⁸ Лесков Н. С. Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви) // Новости и Биржевая газета. — 1883. — № 1. — 1 апреля.

⁹ Там же.

циальной церковности, ставшей прислужницей государства, ее многочисленных «немощей», не соответствующих заповедям Христа.

Позиция писателя вызывала излишне категоричные замечания его строгих ортодоксальных оппонентов. Так, Антоний Храповицкий — ректор Московской духовной академии — с укоризной писал: «Г. Лесков, никогда не державшийся православных воззрений в своих религиозно-бытовых очерках, всегда любил противопоставлять церковные понятия с евангельскими и понемножечку кощунствовать: даже его „Соборяне“ не чужды таких приемов»¹⁰. Однако дело заключается вовсе не в приписанном Лескову «кощунствовании», а в своеобразии художественного воплощения религиозных взглядов писателя, для которого всегда было важно, чтобы Церковь представляли люди, являющие дух и свет Христовой истины во всей полноте.

Лесков разделял «гениальное истолкование христианства» Толстым, который был убежден в том, «любовь есть единая и полная деятельность истинной жизни»¹¹. Цель своего трактата «О жизни» (1888) Толстой видел в объяснении «того, что именно есть жизнь (у Христа это разъяснено), разъяснение Христово для людей, которые не хотят понимать Евангелие — это очень важно, нужно, прибавит счастья людям» (письмо Г. А. Русанову от 2 апреля 1887 года). Однако эта важная и нужная книга сразу же была запрещена цензурой. Почти весь тираж был уничтожен. Лишь небольшая его часть чудом уцелела и распространялась нелегально.

Толстой подробно трактовал в книге «О жизни» христианское учение: «„Мы знаем, что мы перешли от смерти в жизнь, потому что любим братьев“, — говорит учение Христа. „Не любящий брата пребывает в смерти. Жив только тот, кто любит“. Любовь, по учению Христа, есть сама жизнь; но не жизнь неразумная, страдальческая и гибнущая, но жизнь блаженная и бесконечная» (17, 89). Толстой определяет истинную любовь как «самое разумное, светлое и потому спокойное и радостное состояние, свойственное детям и разумным людям <...> состояние благоволения ко всем людям» (17, 87). Христианский писатель напоминает и разъясняет: «Кто из живых людей не знает того блаженного чувства, хоть раз испытанного, и чаще всего только в самом раннем детстве, когда душа не была еще засорена всей той ложью, которая заглушает в нас жизнь, того блаженного чувства умиления, при котором хочется любить всех: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и врагов, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного — чтоб всем было хорошо, чтоб все были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сделать так, чтоб всем было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всем было хорошо и радостно. Это-то и есть, и эта одна есть та любовь, в которой жизнь человека» (17, 89).

В учении Толстого была реализована одна из крупнейших теорий практического жизнестроительства. В трактате «*Так что же нам делать?*» (1886) на традиционный русский «больной» вопрос, сформулированный в заглавии, писатель дал следующий ответ: «...не лгать ни пред людьми, ни пред собою, не бояться истины <...> покаяться во всем значении этого слова <...> выучиться не жить на шее других и <...> при всяком случае приносить пользу людям» (16, 361–363), дабы достичь главной цели — овладеть «бесценной жемчужиной братской, человеческой любви» (16, 291). Этот выразительный образ — центр развернутой метафоры, которая утверждает толстовскую концепцию нравственной ответственности каждого за состояние собственной души, всей общественной жизни, всего мира.

¹⁰ Антоний (Храповицкий), архимандрит. Знамение времени // Богословский вестник. — 1892. — Т. 1. — № 2. — С. 418; см. также: Лесков А. Н. Послесловие к публикации: Лесков Н. С. Заметки неизвестного // Звезда. — 1985. — № 7. — С. 226.

¹¹ Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. — М.: Худож. лит., 1978–1985. — Т. 17. — С. 88. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.

Лесков, по его многократным признаниям, был «с ним (Толстым. — А. Н.-С.) в согласии» (XI, 356). Одно из лесковских писем содержит религиозно-этическую программу, сходную с толстовской: «По словам Христа, по учению двенадцати апостолов, по толкованию Льва Ник<олаевича> и по совести и по разуму, — человек призван помогать человеку в том, в чем тот временно нуждается, и помочь ему стать и идти, дабы он, в свою очередь, так же помог другому, требующему поддержки и помощи» (XI, 376).

Исконный вопрос «*Что делать?*» также не отпускает сознание Лескова, и в преддверии кризисной ситуации в стране — надвигающегося голода — писатель настойчиво обращается за советом к своему «маяку» (XI, 536), как называл он Толстого: «...что именно пристойно нам делать. Может быть, я бы на что-нибудь и пригодился» (XI, 491). В ответ Толстой пишет: «...голод всегда будет. Он всегда и был, и не переставал: голод тела, голод ума, голод души» (19, 221); «...если Вы спрашиваете, что именно Вам делать? — я отвечаю: вызывать, если Вы можете (а Вы можете), в людях любовь друг к другу, и любовь не по случаю голода, а любовь всегда и везде; но, кажется, будет самым действенным средством против голода написать то, что тронуло бы сердца богатых»¹².

Здесь «яснополянский учитель» уповает на то особое свойство лесковского таланта, которое Меньшиков определил как «художественную проповедь». Однако Лесков с горечью вынужден признать, что проповедовать становится все сложнее: «Писать такое, как Вы говорите, в нашем положении очень трудно» (XI, 494). 20 января 1891 года Лесков пишет Толстому: «...жить тут очень тяжело, и что день, то становится еще тяжелее. „Зверство“ и „дикость“ растут и смеются, а люди с незлыми сердцами совершенно бездейтельны до ничтожества» (XI, 477).

Лесков ориентирован на идеал деятельного добра, и в его свете трактует евангельское чудо о насыщении малым количеством пищи нескольких тысяч человек: «И, взяв семь хлебов и рыбы, воздал благодарение, преломил и дал ученикам Своим, а ученики народу. И ели все и насытились» (Мф. 15:36–37). Писатель размышляет: «...что следует разуметь в преломлении хлеба. Мистику-то прочь бы, а „преломи и даждь“ — вот в чем и дело. Однако враги Того, Кто говорил эту простую премудрость, делают честное слово невозможным» (XI, 494). В этой ситуации Лесков уже не «входит, как священник, на амвон», дабы обратиться к «пастве» с высоким словом своей «художественной проповеди». Ради практического делания работы духовной он не чуждается и «низкого» занятия «выметания сора из храма».

2

На закате дней Лесков так оценивает свое писательское призвание: «...я смерил мои силы и окинул глазом работу, и увидел как раз то, что видел Каульбах: „Вижу, что в храме торгуют и что торговля мешает быть в храме тому, что должно быть там“. И понял я, что прежде всего надо выгнать торгующих в храме и вымести за ними их мусор, и тогда, когда горница будет подметена и постлана, — придет в нее Тот, Кому довлеет чистота, и нет Ему общения с продающими и покупающими. И взял я метлу и все выметаю мусор и гоню к выходу торговцев, и почитаю это за мое дело, которое я умею и могу делать, тогда как другого, большего, я не умею делать и если бы взялся за него, то сделал бы его худо и не принес бы даже и той пользы, которую, может быть, принес, поталкивая торговцев и выбрасывая их пометы за церковный порог» (XI, 581).

Итак, писатель со всей присущей его человеческой натуре горячностью, жаждущей воплощения на земле идеалов Христа, добровольно возлагает на себя роль «вы-

¹² Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. — М.: Гослитиздат, 1962.

метальщика сора» из храма с целью максимального очищения «человеческого естества» Церкви. Лесковскую миссию можно было бы определить также как деятельность *духовного стража*. Этой сознательной установкой, выраженной Лесковым за год до смерти и ставшей итогом самоопределения, обуславливаются важные художественные особенности лесковского творчества последнего периода: главный акцент приходится не на отвлеченно-богословские размышления (хотя Лесков и был глубоким знатоком в области теологии), а на практические, действенные аспекты христианской веры, указанные Самим Христом. Так, в эпизоде исцеления слепорожденного в Евангелии от Иоанна Христос запретил ученикам рассуждать: «...кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» (Ин. 9:2). Но «Иисус отвечал: <...> это для того, чтобы на нем явились дела Божии» (Ин. 9:3); «Мне должно делать дела пославшего Меня, доколе есть день» (Ин. 9:4). «Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (Иак. 2:17), — говорится в евангельском послании апостола Иакова.

Евангелие, по убеждению Лескова, указывает «не столько „путь к небу“, сколько «смысл жизни» (XI, 287). Толстой в Евангелии также «искал ответ на вопрос жизни, а не богословский вопрос или исторический». В «Кратком изложении Евангелия и предисловии к нему» (1881) писатель выразил свои воззрения: «Я смотрю на христианство не как на исключительное божественное откровение, не как на историческое явление, я смотрю на христианство как на учение, дающее смысл жизни»¹³. Такая позиция соответствует убеждениям православных аскетов: «Не довольствуйся одним бесплодным чтением Евангелия; старайся исполнять его заповедания, — учил епископ Игнатий (Брянчанинов), — читай его делами. Это книга Жизни, и надо читать ее жизнью»¹⁴. В начале 1889 года Толстой сформулировал для себя: «Помни, ты работник дела Божьего»¹⁵. Нередко писатель повторял, что молитва должна быть в делах¹⁶.

«А молясь, не говорите лишнего, как язычники: ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны. Не уподобляйтесь им: ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у него» (Мф. 6:8) — это евангельское наставление Толстой сделал эпиграфом к своему рассказу «Три старца» (1886), вошедшему в «Четвертую русскую книгу для чтения». В первой публикации рассказ имел подзаголовок «Народное сказание».

В повествовании нашла художественное выражение любимая мысль Толстого о том, что праведность и святость могут быть совсем не связаны с догматическим богословием, с официальной церковностью. Таковы «Божьи люди» (10, 343) — три древних старца-отшельника, рассказ о которых услышал на корабле архиерей, плывущий вместе с простолудинами-богомольцами на Соловецкие острова. Его преосвященство настолько заинтересовался народным сказанием, что пожелал завернуть на крохотный безымянный островок, полюбопытствовать, как там в землянке среди камней «старцы живут, спасаются» (10, 342) — вне церковей, монастырей, священнослужителей, религиозных таинств и обрядов. Капитан корабля отговаривает владыку от этой пустой, с его точки зрения, затеи: «...не стоит смотреть на них. Слышал я от людей, что совсем глупые старики эти живут, ничего не понимают и ничего и говорить не могут, как рыбы какие морские» (10, 344).

Однако легендарные старцы-аскеты, абсолютно неграмотные, в нищенских лохмотьях, излучают любовь, сияют духовным светом: «Один махонький, сгорбленный,

¹³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. (Юбилейное издание). — М.; Л.: ГИХЛ, 1928–1958. — Т. 24.

¹⁴ Игнатий (Брянчанинов), епископ. О чтении Евангелия // Вера. Молитва. Любовь. — М.: Русский Духовный Центр, 1993. — С. 48.

¹⁵ Толстой Л. Н. Там же. — Т. 50. — С. 67.

¹⁶ См.: Порудоминский В. И. «Помоги, Отец!»: Молитва в жизни Л. Н. Толстого // Человек. — 1999. — № 2. — С. 162–180.

совсем древний, в ряске старенькой, должно, годов больше ста, седина в бороде уж зеленеть стала, а сам все улыбается и светлый, как ангел небесный. Другой ростом выше, тоже стар, в кафтане рваном, борода широкая, седая с желтизной <...> тоже радостный. А третий высокий, борода длинная до колен и белая как лунь <...> и нагой весь, только рогожкой опоясан» (10, 343).

Архиерей задумал им «поучение подать». На вопросы: «Как вы спасаетесь и как Богу служите»; «Как же вы Богу молитесь?» — самый древний старец за всех отвечал: «Не умеем мы, раб Божий, служить Богу, только себе служим, себя кормим»; «Молимся мы так: трое вас, трое нас, помилуй нас» (10, 345). Такая младенчески наивная, простодушная, канонически «неправильная» молитва вызвала укоризненную усмешку архиерея: «Это вы про Святую Троицу слышали, да не так вы молитесь». Владыка берет на себя труд втолковать безграмотным, бестолковым, как ему кажется, старцам молитву Господню «*Отче наш*», разучить ее с ними на слух: «И весь день до вечера протрудился с ними архиерей; и десять, и двадцать, и сто раз повторял одно слово, и старцы твердили за ним. И путались они, и поправлял он их, и заставлял повторять сначала. И не оставил архиерей старцев, пока не научил их всей молитве Господней» (10, 346).

Благодарные старцы при прощании поклонились в ноги архиерею за его учительные труды. Да и сам он был настолько впечатлен встречей с удивительными островитянами, что долго не мог уснуть: «Улеглись богомольцы спать, и затихло все на палубе. Но не хотелось спать архиерею, сидел он один на корме, глядел на море, туда, где скрылся островок, и думал о добрых старцах. Думал о том, как радовались они тому, что научились молитве, и благодарил Бога за то, что привел Он его помочь Божиим старцам, научить их слову Божию» (10, 346).

В то же время и смиренные старцы невольно преподали урок своему сановному наставнику. Ночью на корабле архиерей увидел чудо, подобное известному из Евангелия чуду хождения Христа по водам: «*В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю*» (Мф. 14:25). Диво не привиделось герою рассказа в полусне, в пограничном состоянии на грани сна и реальности, а свершилось именно въявь. Толстой не оставляет у читателя никаких сомнений в истинности происходящего. И архиерей, и кормчий, и богомольцы — все стали свидетелями чудесного события за пределами земного понимания: «...бегут по морю старцы, белеют и блестят их седые бороды, и, как к стоячему, к кораблю приближаются. Оглянулся кормчий, ужаснулся, бросил руль и закричал громким голосом:

— Господи! Старцы за нами по морю, как по суху, бегут! — Услыхал народ, поднялся, бросились все к корме. Все видят: бегут старцы, рука с рукой держатся — крайние руками машут, остановиться велят. <...> Не успели судна остановить, как поравнялись старцы с кораблем, подошли под самый борт, подняли головы и заговорили в один голос:

— Забыли, раб Божий, забыли твое ученье! Пока твердили — помнили, перестали на час твердить, одно слово выскочило — забыли, все рассыпалось. Ничего не помним, научи опять» (10, 347).

Чудо на море явило владыке, что источник святости не в формальных молитвословиях, церковных канонах, службах, обрядах. Даже единственная незамысловатая молитва «Трое вас, трое нас, помилуй нас», которую сами для себя придумали отшельники, не знающие других молитв, не получающие от священников духовного окормления, доходит до Бога: «Перекрестился архиерей, перегнулся к старцам и сказал:

— Доходна до Бога и ваша молитва, старцы Божии. Не мне вас учить. Молитесь за нас, грешных!

И поклонился архиерей в ноги старцам. И остановились старцы, повернулись и пошли назад по морю. И до утра видно было сиянье с той стороны, куда ушли старцы» (10, 347).

Так Бог «усмирил» высокопоставленного церковного иерарха. Он признал себя недостойным поучать истинно верующих, просветленных светом духовным старцев, которых Сам Господь сделал Своими последователями, наделил святостью, даром чудотворения — тем даром, который стал недоступен даже апостолу Петру, когда тот во время *хождения по водам* усомнился и стал тонуть (см.: Мф. 14:28–31). «Усмирял» себя также святой апостол Павел — евангельский учитель и благовестник, — «дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (1Кор. 9:27).

После выхода в свет «Трех старцев» и других толстовских произведений в том же духе усилилась атака на писателя со стороны официальной и ортодоксальной критики за якобы «вредное направление, замечаемое в его простонародных рассказах» (XI, 100). Поводом к нападкам «послужил по преимуществу рассказ „Три старца“, где один архиерей увидал, что три старца, совсем не знавшие ни одной молитвы, заслужили себе, однако, благодатный дар святости и чудотворений» (XI, 100–101). В то же время Толстой в этом и других «народных рассказах», в «Русских книгах для чтения» взял на себя труды и обязанности пастыря, призванного рассеивать духовную темноту «омраченного невежеством», «младенствующего» народа, способствовать «самому полному, самому сознательному усвоению народом истин Христова учения»¹⁷.

О своем абсолютном согласии с позицией Толстого в его религиозно-нравственных исканиях в полный голос заявил Лесков. Он вступил в открытую полемику с «обличителями графа, чтобы заставить их понять всю несправедливость и неуместность их нападков на графа Толстого со стороны его направления» (XI, 103). Адресуясь к порицателям великого писателя, Лесков открывал «в направлении гр. Толстого благородство, чистосердечие и вообще тон, способный возвышать настроение читателя, а такое направление, конечно, не вредно, но полезно» (XI, 100).

В полном согласии с Толстым: «...по его рассказам, если человек захочет, то может спасти себя сам, „помимо пастырей“» (XI, 100) — Лесков считал, что не всегда обязательны специальные посредники — особы духовного звания — между человеческой душой и сотворившим ее Богом. «Душа по природе христианка» (XI, 456) — эти слова раннехристианского теолога Тертуллиана любил повторять Лесков.

В защиту Толстого и в продолжение его рассказа «Три старца» писатель создал уникальное по жанру произведение «Лучший богомольец (Краткая повесть по Прологу с предисловием и послесловием о „тенденциях“ гр. Л. Толстого» (1886). В предисловии Лесков сформулировал свою цель: «Я надеюсь показать, что не только нет ничего предосудительного в том, если кто-нибудь пожелает представить простого человека способным самолично хорошо упредить свой путь, но что можно представить простого человека даже содействующим такие дела, которые приходились не по силам лицам духовным» (XI, 103).

Так, в центральной части «Лучшего богомольца» — «Повести о богоугодном дровоколе» (1886), которая явилась лесковским переложением древнего житийного источника Пролога, — высокопоставленному духовному лицу оказалось «не по силам» донести до Бога молитвы о дожде во время сильнейшей засухи, грозившей голодом. Епископ кипрский при всех его стараниях был не в состоянии остановить губительную сушь, чем привел народ «в ужас, близкий к отчаянию. Где же, в самом деле, искать спасения? На что еще уповать и надеяться? Кто же еще может помолиться лучше, чем

¹⁷ Лесков Н. С. <Об отношениях современной светской литературы к литературе духовной> // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. — М: ТЕРРА, 1996. — Т. 1. — С. 617.

епископ, и чья молитва может быть доходнее до Бога? Епископ — разве это не первое лицо во всем духовенстве, и разве кроме него есть кто-нибудь другой, кто бы лучше его знал, как надо умолить Бога дать людям то, чего они у него просят?» (XI, 104).

Но любезнее Богу оказался обыкновенный дровокол — «старый, изнеможенный простолудин, весь согнутый и едва передвигающий ноги <...> еле двигающийся под вязанкою дров» (XI, 105). На него указал «глас с неба» (XI, 104) как на наилучшего богомольца. Народ изумлен: «Так неужто вот это он и будет тот молитвенник, молитва которого взойдет к Богу лучше, чем молитва целого клира и самого епископа?» (XI, 105). Ошеломлен и сам этот небесный избранник. Поначалу он недоуменно и смиренно отказывается, когда его молитв просят «все люди, ожидавшие благодетельного чуда для истомленной земли» (XI, 104). «Богоугодный дровокол», подобно толстовским трем старцам, не знает канонических молитв, толком не умеет молиться: «Старик все еще и тогда не решался, и потому, чтобы преодолеть застенчивость этого дровокола, его „принуждением“ поставили на колени на его хворост и заставили молиться. Старик более не спорил и как умел, так и начал молиться, а с неба сейчас же заросило, и пошел сильный и благодатный дождь» (XI, 106).

Епископ Кипра, подобно архиерею из толстовских «Трех старцев», пожелал узнать, «какое житие проводит этот человек, который Богу так угоден и приятен? <...> открой нам, чем ты так угодил Богу, что Он твою молитву лучше всех слушает <...>

— Ей, отче, не ведаю.

— Ну, для того-то и расскажи нам, как ты живешь, — и мы все станем тебе подражать и поревнуем стать такими же, чтобы и наши молитвы шли прямо в прием Богу. Не умолчи — сказывай!» (XI, 106–107).

«Лучший богомолец» признается: «Мне выпала такая доля, что даже и раздумать о богоугодных делах мне некогда, потому что я себе до старости ничего во всю жизнь не припас и теперь, уже слабый и немощный, не имею ни отдыха, ни покоя» (XI, 107). У старика даже жилища «никакого нет и никогда не было»: «А когда я устану и мне надо отдохнуть или переночевать, то я залезу под церковь и там под полом свернусь и сосну» (XI, 107). Житие дровокола оказалось столь многотрудным, безрадостным, убогим, что епископ, узнав о нем, скорее всего, передумал подражать обездоленному нищему. Вряд ли высокопоставленный церковный иерарх пожелал бы вести подобный образ жизни.

Итак, епископ признает «лучшим богомольцем не себя, а бедного собирателя хвороста, — человека, который целый век трудился и не мог ничего собрать себе на старость, но притом не ропщет и не жалуется» (XI, 109). Это старая история, замечает Лесков в послесловии, известная «уже целые века, и никакого худа от нее не было. Напротив, упоминаемый в Прологе епископ кипрский всем очень нравится. Все находят, что это, очевидно, был человек не гордого, а смиренного христианского духа, человек, который свою важность ставил ни во что, а искал только пользы народу и для того нимало не стеснялся всенародно поставить себя ниже дровокола» (XI, 109).

Писатель полностью разделяет авторскую позицию в рассказе Толстого «Три старца» и приходит к выводу, сходному с толстовским: «...люди собственными их силами в самой скромной доле могут устроить свою жизнь так, что она станет боголюбивой» (XI, 112).

3

В то же время оригинально мыслящий Лесков не всегда разделял взгляды «яснополянского мудреца», по отдельным вопросам был с ним в «разномыслии». Но по-

стоянно сходиллся с Толстым в главном: «Меня никогда не смущает то, чего я с ним не могу разделять: мне дорого его общее, так сказать, господствующее настроение его души и страшное проникновение его ума. Где есть у него слабости, — там я вижу его человеческое несовершенство и удивляюсь, как он редко ошибается, и то не в главном, а в практических применениях, — что всегда изменчиво и зависит от случайностей» (XI, 356). В письме к Суворину от 9 декабря 1883 года Лесков писал о Толстом: «Вихляется он — несомненно, но точку он видит верную: христианство есть учение *жизненное*, а не отвлеченное, и испорчено оно тем, что его делали отвлеченностью. „Все религии хороши, пока их не испортили жрецы“. У нас византизм, а не христианство, и Толстой против этого бьется с достоинством, желая указать в Евангелии не столько „путь к небу“, сколько „смысл жизни“» (XI, 287).

По свидетельству сына и биографа писателя, «личное расположение никогда не препятствовало Лескову открыто, даже резко, высказывать в разговоре, письмах или печати свое противомыслие, свои возражения. Не отступал он в таком обычае и в отношении Толстого. <...> Отсюда шло чередование восхищения „до святости искренним Толстым“, когда казалось, что тот „точку видит верную“, со смелыми опровержениями, когда признавалось, что он „вихляется“, когда неудержимо хотелось указать в его установках „спурное“ и „путаное“» (2, 396).

Лескова озадачило толстовское учение о непротивлении злу насилием, вызвавшее в обществе большую полемику. Подводя ее итоги, писатель отмечал: «Есть хвалители, есть порицатели, но совестливых и толковых судей нет». Лесков всегда чувствовал в Толстом, «как он до святости искренен!» (XI, 310), и его сочинения требуют глубокого анализа и истолкования, а не просто ажиотажных домыслов: «Сколько бы дела и интереса для независимой критики, чтобы все это разобрать и оценить! Отчего же этим не занимаются? Ведь это живо, любопытно и полезно!» (XI, 311).

В этой ситуации Лесков считает необходимым самому взяться за дело литературного критика: «Меня мучило его (Толстого. — А. Н.-С.) положение о „непротивлении злу“, — делился писатель с издателем газеты „Новое время“ А. С. Сувориным. — Негодяи считали это себе на руку, а глупцы вопят, видя в этом „уничтожение смысла жизни“. <...> Но я не понимал долго и сам: что это такое?» (XI, 323).

Всестороннее осмысление толстовской позиции Лесков представил в работе «*О рожне. Увет сынам противления*» (1886). Эта «полукритическая, полуапологетическая статья» (2, 399) направлена против антитолстовских выпадов авторов, иронично названных писателем без указания их имен «поверхностными партизанами противления, умами своими одолевающими Толстого».

Лесков заметил, что учение о непротивлении злу «вовсе не выдуманно и не измышлено графом Толстым, <...> оно находится в источнике несравненно раннем и столь совершенном»¹⁸, имея в виду Священное Писание, Нагорную проповедь: «*А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую*» (Мф. 5:39). Многие подтверждающие примеры из толстовских притч Лесков назвал прекрасными.

Писатель истолковал теоретические положения Толстого в «противленческом» смысле: «...граф Толстой не только не потворщик злу <...>, но в „учении“ его есть прямые указания, как можно сопротивляться злу с достоверностью за успех борьбы» (129). В то же время в статье проявляется немало расхождений с толстовской теорией. Лесков полемически замечает: «Очень может быть, что во мнениях графа Толстого обнаружатся и очень слабые стороны» (137).

¹⁸ Лесков Н. С. О рожне. Увет сынам противления // Лесков Н. С. О литературе и искусстве. — Л.: ЛГУ, 1984. — С. 128. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

В противовес теоретизированию Толстого, которое «слишком увязло в Прологе» (138), автор статьи «О рожне. Увет сынам противления» приводит жизненные примеры, когда именно нравственное чувство, порыв души требуют немедленного проявления «противленческой» активности: «...есть случаи, когда человек не может оставаться человеком, не оказав самого сильного сопротивления злу. И он должен оказать это противление, не чистясь, не приготавливаясь, а именно *такой, какой есть*» (140).

Герой толстовской притчи «Крестник» с подзаголовком «Народное сказание» (1886) сопротивлялся злу, боролся со злыми деяниями других людей. Однако это не остановило зло, но — напротив — породило его в еще больших масштабах, повлекло за собой другие злодейства. Оказалось, что крестник — активный борец со злом — невольно способствовал распространению зла в иных проявлениях и сам стал грешником, убийцей. На жизнь его матери покушался грабитель, и герой притчи, недолго думая, отправил его на тот свет без возможности покаяния. Только теперь крестник всерьез задумался: «...зло от зла умножается. Что больше гоняют люди зло, то больше зла разводят. Нельзя, значит, зло злом изводить. А чем его изводить — не знаю» (10, 377).

Старец ради очищения и искупления грехов наложил на крестника епитимью: носить из реки воду во рту и поливать три сгоревшие головешки до тех пор, пока из них не вырастут яблони: «Когда прорастут все три и из головешек три яблони вырастут, тогда узнаешь, как в людях зло изводить, тогда и грехи выкупишь» (10, 379). Постепенно в этих, казалось бы, безнадежных трудах герой перестал «о себе заботиться, очистил сердце и стал другие сердца очищать» (10, 384), обращать их к добру. Даже свирепого разбойника наставил на путь истинный. Тогда и проросли, произвели новую жизнь помертвевшие головешки.

Анализируя эту метафору и полемизируя с «методой» длительного перевоспитания духа, предложенной Толстым, Лесков задает резонные вопросы: «Как поступать в таком случае, когда на глазах человека подвергают насилию его сестру, жену или даже мать?.. Неужто смотреть, не сопротивляться сразу, а прежде идти поливать головешки?..» (137).

Необходимость долговременного «поливания изо рта „головешки“, пока она не прорастет», вызывает у Лескова сомнения, которые он старается разрешить: «Умный и основательный критик, может быть, мог бы сделать на некоторые места „учения“ Толстого не пустые, а очень дельные замечания, которые разъяснили бы, что в этом „учении“ путается, и это имело бы и литературный интерес, и жизненное значение. Графу Толстому, несмотря на его начитанность в Прологах, может быть, можно бы доказать, что и самое значение византийских головешек он понимает неверно. Поливание головешек в Прологах встречается не как воспитательное средство, а „как плод послушания“». У Лескова есть другие примеры: когда человек, специально не приготавливаясь, способен «во мгновение ока» нравственно переродиться.

Писатель приводит в пример «живой случай», который «над всеми возвышался по ужасу»¹⁹ и не оставлял сознания Лескова долгие годы. Он пишет Суворину о том, «как пьяный солдат насилует девочку-ребенка» (XI, 323). К этому же «известному киевскому случаю»²⁰ писатель обращался и в 1890-е годы в незавершенном «рассказе кстати» «Самое жалкое существо». Две маленькие девочки, возвращавшиеся из школы через городской сад, где в тот день работали арестанты, были найдены изнасилованными и задушенными. Свидетельница злодеяния могла ему воспротивиться, «но не сделала этого, и испугалась, и убежала. <...> Вина это с ее стороны перед челове-

¹⁹ Лесков Н. С. Самое жалкое существо (Из рассказов кстати) // Литературное наследство. — Т. 101. — Кн. 1: Неизданный Лесков. — М.: Наследие, 1997. — С. 509.

²⁰ Там же.

ством или добродетель?» (139–140). По Лескову, это несомненное зло, закономерно повлекшее продолжение зла: «она сошла с ума от того, что видела и чего не остановила»²¹.

При анализе теории непротivления Толстого в арсенале Лескова имеется «рожон противу его рожна»: «Я знаю ту особенную литературу, которая дает графу Толстому сюжеты для его прекрасных рассказов, и я мог бы оттуда же взять рожон противу его рожна. (Критики его не видят.) <...> Я думаю, что есть случаи, когда человек не может оставаться человеком, не оказав самого быстрого и самого сильного сопротивления злу без предварительной личной чистки и поливания головешек» (140). Писатель формулирует животрепещущую задачу: «Умным людям еще предложит понять, что у Толстого „противление злу“ *есть*, а затем им предложит раскрыть и показать обществу, что в толстовском методе непротivления верно, а что в нем спорно, сомнительно и подлежит поправке» (140).

Толстовская социально-этическая программа нашла обстоятельное выражение в обширном трактате «*Так что же нам делать?*» (1886). Полный текст был запрещен в России цензурой, но книга распространялась в списках, вызвала в обществе бурную дискуссию. Лесков заявил свое «разномыслие» с Толстым по так называемому женскому вопросу, которому была посвящена специальная глава толстовского трактата и разъяснения писателя «*Труд мужчин и женщин. Выдержка из частного письма по поводу возражений на статью „Женщинам“*» (1886).

Ссылаясь на Священное Писание, Толстой указывал на исконно установленное разделение труда, предназначенного исключительно каждому полу: «Как сказано в Библии, мужчине и женщине дан закон: мужчине закон труда, женщине закон рождения детей» (16, 390). Мужчины, утверждает Толстой, отступили от закона настоящего, то есть физического, труда, непосильного для женщин. Угнетая других, мужчины из обеспеченных сословий заменили настоящий труд его «фарисейским подобием» (16, 392). Это «фальшивый парадный труд для славы людской», «который имеет целью избавление себя от истинного труда» (16, 395), а труд «настоящий — исполнение воли Бога» (16, 393). Божью волю по-прежнему продолжает исполнять женщина в предназначенных ей трудах деторождения и ухода за детьми: «она не выступала из-под закона, что она несла тот настоящий с опасностью жизни, с напряжением до последних пределов, настоящий труд, от которого уволил себя мужчина богатых классов» (16, 392).

Поэтому, рассуждает Толстой, женщины видят несправедливость в том, что мужчины уклонились от изначально predeterminedенного им «утомляющего, не игрушечного труда» (12, 198). Именно здесь, по мнению писателя, истоки движения феминисток за женское равноправие: «Из этой ошибки вытекает и та удивительная глупость, которая называется правами женщин. Формула этих прав женщин такая: а! ты, мужчина, — говорит женщина, — отступил от своего закона настоящего труда, а хочешь, чтобы мы несли тяжесть нашего настоящего труда? Нет, если так, то мы, так же как и ты, сумеем делать то подобие труда, которое ты делаешь в банках, министерствах, университетах, академиях; мы хотим, так же как и ты, под видом разделения труда, пользоваться трудами других и жить, удовлетворяя одной похоти. Они говорят это и на деле показывают, что они никак не хуже, еще лучше мужчин умеют делать это подобие труда. Так называемый женский вопрос возник и мог возникнуть только среди мужчин, отступивших от закона настоящего труда. Стоит только вернуться к нему, и вопроса этого быть не может. Женщина, имея свой особенный, неизбежный труд, никогда не потребует права участия в труде мужчины — в рудниках, на пашне. Она могла потребовать участия только в мнимом труде мужчин богатого класса» (16, 391).

Толстой предлагал ограничить сферу женской деятельности одними только домашними заботами и семейными обязанностями. В то же время он справедливо считал,

²¹ Там же.

что именно женщина прежде всего должна хранить в доме покой и поддерживать семейное равновесие. Это достижимо при известной кротости и смирении: «Все было бы хорошо, если бы только они (женщины) были на своем месте, то есть смиренны».

Лесков выступил против толстовских взглядов на призвание женщины в статье «Загробный свидетель за женщин. Наблюдения, опыты и заметки Н. И. Пирогова, изложенные в письме к баронессе Э. Ф. Раден»²². Первоначально работа имела открытое острополюемическое заглавие: «О женских способностях и о противлении злу» (1886). В письме С. Н. Шубинскому — редактору журнала «Исторический вестник», для которого предназначалась статья, — писатель пояснял: «Статья состоит из большого, в 2 печатные листа письма Пирогова к Эдите Фед<оровне> Раден о значении дел вел. кн. Елены Павловны, с моим предисловием и послесловием. <...> Это статья в высшей степени интересная в историческом и философском смысле, имеющая живое отношение к вопросам о женщинах и о противлении злу, которые коверкает юридственно Толстой» (XI, 317).

Высказывая противотолстовские взгляды на социальную роль женщины, Лесков был убежден: если женщины хотят учиться и работать, их надо поддерживать — от этого выиграет все общество. Во вступительной части статьи писатель поясняет: с того времени, как в вопрос, «благоразумно ли открывать женщинам доступ к наукам и к общественной деятельности <...> вмешался граф Лев Николаевич Толстой и не обвиняясь высказался за простое религиозное образование, все восприняло такой вид, как будто граф своим словом принес „огонь на землю“. Женщины встревожились <...> к чести нашего времени, женщинам не хочется видеть себя на „распутии“, а хочется прожить, обходя те унижительные положения, которые начинаются обожанием, а кончаются обыкновенно отвержением... Женщины чрезвычайно чутки ко всему, что их касается, и легко приходят в беспокойство, когда их пугает неблагоприятное мнение об их правах на труд» (2, 399).

В подтверждение своих воззрений и «в упор» против толстовской позиции, суживающей для женщин круг занятий, Лесков поставил Николая Ивановича Пирогова (1810–1881) — известного русского доктора, основателя военно-полевой хирургии, организатора деятельности общины сестер милосердия во время военных действий, участника Крымской войны и обороны Севастополя. Писатель подчеркивал: «Воззрения Пирогова, конечно, противоположны воззрениям Толстого и уничтожают сии последние и умом, и серьезностью авторитета Пирогова» (XI, 317). Главный итог, к которому пришел знаменитый военный врач: «женщины должны занять место в обществе, более отвечающее их человеческому достоинству и их умственным способностям»²³.

Лесков просил редактора Шубинского опубликовать статью как можно скорее: «Она совсем готова к печати, и по существу трактуемого в ней предмета ее надо не задерживать. Она имеет большой интерес исторический и еще больший современный» (XI, 317); «Теперь идут все прожекты уничтожения женских курсов, и в женских сферах стоит страшное возбуждение. Таким настроением, мне кажется, издание должно воспользоваться, — особенно, когда оно может дать не фразы, а веское слово авторитетного лица, подкрепленное ссылками на факты из такой замечательной эпохи, как Крымская война» (XI, 319).

Подробные воспоминания, достоверные факты о своей деятельности во время войны хирург Пирогов изложил в письме своей знакомой баронессе Раден. Она была

²² Лесков Н. С. Загробный свидетель за женщин. Наблюдения, опыты и заметки Н. И. Пирогова, изложенные в письме к баронессе Э. Ф. Раден // Исторический вестник. — 1886. — XXVI. — № 11. — С. 249–280. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

²³ Пирогов Н. И. Письмо к баронессе Э. Ф. Раден // Пирогов Н. И. Сочинения: В 2 т. — Т. 2. — С. 506. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

приближенной великой княгини Елены Павловны (жены брата Николая I) — учредительницы Крестовоздвиженской общины сестер милосердия.

Лескову принадлежит честь первой публикации этого уникального документа, включенного писателем в состав его статьи: «Письмо Пирогова (на немецком языке) Раден дала мне с тем, что оно мне, „может быть, пригодится“. Я сделал себе с него перевод и берег его до лучшего случая. Случай этот теперь настал» (XI, 317–318).

Пирогов по поручению великой княгини Елены Павловны должен был «основать организованную женскую помощь больным и раненым на поле битвы <...> самому избрать медицинский персонал и взять управление всего дела», «устроить женскую службу перевязочными пунктами и подвижными лазаретами» (502–503). До этого задания знаменитый русский доктор только один раз видел женскую службу в госпитале в Париже, но «еще нигде не было испробовано посылать женщин на поле битвы» (504). Однако Пирогов без колебаний заявлял: «...более по инстинкту, нежели по опытности, я был убежден в великом значении женского участия» (503). Он удостоверился на деле, что «женский такт, их чувствительность и независимое от служебных условий положение <...> все их действия <...> и попечения о больных были таковы, что самые лживые языки и самые худшие враги новизны не могли решительно ни к чему придрататься» (505).

Сестры милосердия в своем служении проявляли настоящее самопожертвование. На перевязочные пункты поступали тысячи тяжелораненых. Пирогов свидетельствовал: «Раны почти все представляли страшные разрывы членов от бомб большого калибра. От 150 до 200 ампутаций и других тяжелых операций случалось исполнять каждый день, имея ассистентами одних сестер» (515). Они «трудились денно и ночью <...> И все такие сверхчеловеческие усилия женщины переносили без малейшего ропота, со спокойным самоотвержением» (516).

Заваленные тяжелой, страшной работой на войне, сестры милосердия черпали силы для неустанного труда, повторяя свой девиз: «Я с крестом и за Христа». Пирогов вспоминает, что обращение женщин «со страждущими было самое душевное». Одна из медицинских сестер, «простая, но богопочтительная и прямодушная женщина, заведовала категорией тяжелораненых и безнадежных к излечению <...> Она удивительно умела своими простыми и трогательными молитвами у одра страдальцев успокаивать их мучительные томления» (518). Были среди женщин на войне и настоящие героини: «Другая сестра, также простая и необразованная, посещала по собственному желанию наши форты и была известна как героиня. Она помогала раненым на бастионе, под самым огнем неприятельских пушек» (518).

Знаменитый военный хирург Пирогов с восхищением говорит о работе основанной во время Крымской войны общины сестер милосердия: «...я чувствую, что в самом деле я принужден восторгаться от тех добрых результатов, которые дало это женское учреждение. Результаты эти, во всяком случае, доказывают, что до сей поры мы совершенно игнорировали чудные дарования наших женщин» (523).

Подводя итоги, Пирогов приходит к выводу о правомерности социальной постановки «женского вопроса»: «Эти дарования ясно доказывают, что современный женский вопрос и тогда уже был в полном праве требовать своего *raison d'être*. <...> Женщина, если она получит надлежащее образование и воспитание, может так же хорошо усвоить себе научную, общественную и художественную культурность, как и мужчина. При этом главное условие только то, чтобы женщина сохраняла в себе <...> женственность и выучилась бы не расставаться с нею» (523–524).

Лесков считал, что эта статья Пирогова «не только любопытная и современная, но и драгоценная»: «Это перл пироговской душевности. И кого, как не его одного, можно поставить в упор против учительных бредней Л. Н. Толстого» (XI, 319).

Убедительные свидетельства уже «такого лица, которое не может быть заподозрено ни в каком современном сторонничестве и которое по своему умственному значению стоит, по крайней мере, не ниже того, кто „возжег огонь“ нынешнего спора», — знаменитого хирурга и педагога Н. И. Пирогова, давали «действительно крепкий отпор ограничительным по отношению к женщинам теориям» (2, 399).

В то же время Толстой — участник обороны осажденного Севастополя — не понаслышке знал о самоотверженных трудах сестер милосердия в Крымской войне, писал о них в цикле «Севастопольские рассказы» (1855).

Известно, что писатель хлопотал о женщине, которая «была сестрой милосердия и ее лишили места. Она хочет места. Не думайте, что я пишу вам только для очищения своей совести; мне очень близко к сердцу это дело, хотя я и не знаю ту, о ком прошу» (из письма Толстого к В. В. Стасову от 9 ноября 1883 года).

Таким образом, Лесков излишне категорично противопоставлял взгляды Толстого и Пирогова на роль женщины. Ошибочно было бы полагать, что Толстой выступал за полный запрет для женщин какой-либо общественной деятельности. С его точки зрения, семья и дом — главное дело замужних женщин. Что касается незамужних, они успешно могут заниматься социальной деятельностью в качестве сестер милосердия, учительниц, гувернанток, повивальных бабок (на современном языке — акушерок), нянек, экономок и т. д.

Более того, женщины и девушки нередко обращались к писателю с просьбой посоветовать им вид полезной для общества деятельности, в которой можно реализовать свои знания, силы, опыт, горячее стремление служить людям, нуждающимся в поддержке и помощи. Так, например, с подобным письмом адресовалась к Толстому группа девушек из Тифлиса, только что окончивших курс обучения в гимназии. Выпускницы очутились «перед трудным и для многих мучительным вопросом: что делать? Полные сомнений, не зная, чему всецело отдаться, они пытали свои неопытные силы во всех видах доступного в то время общественного труда: работали в народных и воскресных школах, в общественных читальнях, музеях».

Писатель подробно отвечал в письмах «Тифлисским барышням» 17 декабря 1886 года и 23–25 марта 1887 года: «Вы спрашиваете дела. Кроме общего всем нам дела, — стараться уменьшать те труды, которые употребляются другими на поддержание нашей жизни, сокращая свои требования и делая своими руками, что можешь сделать для себя и для других, у приобретших знания есть еще дело: поделиться этими знаниями, вернуть их назад тому народу, который воспитал нас» (19, 125). Кроме общих наставлений, Толстой предложил девушкам конкретную деятельность по переделке и усовершенствованию книг для народа: «...взять одну или несколько из этих книг — азбуку ли, календарь, роман ли (особенно нужна работа над повестями — они дурны и их много расходуется) — прочесть и исправить или вовсе переделать. Если вы исправите опечатки, бессмыслицы, там встречающиеся — ошибки и бессмыслицы исторические и географические, то и то будет польза <...> Польза будет в том, что меньше будет вздору и бессмыслицы сообщаться народу» (19, 125). Разумеется, исполнять это дело необходимо вдумчиво и главное — с любовью: «Работа, несомненно, полезная. Степень пользы будет зависеть от той любви, которую вы положите в нее» (19, 126); «Как будет хорошо, когда дело это пойдет!» (19, 134).

4

Творческий диалог и мировоззренческую полемику с Толстым Лесков продолжил, откликаясь на толстовскую повесть «Крейцера соната» (1890).

После неоднократных цензурных запретов повесть была опубликована в 1891 году. Но еще до выхода в свет она разошлась во множестве списков и вызвала неистовые споры: «Повесть всех подняла, задела за живое»; «...казалось подчас, что публика, забыв все свои личные заботы, жила только литературой графа Толстого... Самые важные политические события редко завладевали всеми с такой силой и полнотой» (12, 466–467), — свидетельствовала А. А. Толстая. Литературный критик Н. Н. Страхов писал Толстому: «А „Соната“, написана так, что всех задела», даже «самых бестолковых» (12, 444).

Устами героя повести Василия Позднышева, убившего жену в приступе бешеной ревности, Толстой безапелляционно высказывал свои поздние взгляды на брак, на отношения противоположных полов, влекущие трагические последствия; отдаляющие, по мнению писателя, человека от Бога.

Позднышев совершил преступление не только из ревности, как полагали многие, сравнивая его с Отелло. Но Позднышев не Отелло. Шекспировский герой ревнует и любит Дездемону. Позднышев ревнует и ненавидит жену. Ее вина в неверности была неочевидна, но ненависть к ней у мужа зрела давно. Во время бесконечных супружеских ссор — чаще всего из-за ничтожных пустяков — Позднышев специально подогревал в себе озлобление, раздувал ненависть: «...вместо того чтобы противиться этой злобе, я еще стал разжигать ее в себе и радоваться тому, что она больше и больше разгорается во мне.

— Убирайся, или я тебя убью! — закричал я, подойдя к ней и схватив ее за руку. Я сознательно усиливал интонации злости своего голоса, говоря это. И должно быть, я был страшен, потому что она так заробела, что даже не имела силы уйти, а только говорила:

— Вася, что ты, что с тобой?

— Уходи! — заревел я еще громче. — Только ты можешь довести меня до бешенства. Я не отвечаю за себя!» (12, 177).

В этой сцене безобразной семейной ссоры настойчиво звучит слово «бешенство». Писатель устами его героя передает психологическое состояние беснования, одержимости злым духом, когда человек выходит из себя и в «пустую горницу» его души мгновенно входят полчища еще злейших бесов, разрушительной силе которых он уже не в состоянии противиться: «Дав ход своему бешенству, я упивался им, и мне хотелось еще что-нибудь сделать необыкновенное, показывающее высшую степень этого моего бешенства. Мне страшно хотелось бить, убить ее, но я знал, что этого нельзя, и потому, чтобы все-таки дать ход своему бешенству, схватил со стола пресспапье, еще раз прокричав: „Уходи!“ — швырнул его оземь мимо нее. Я очень хорошо целил мимо. Тогда она пошла из комнаты, но остановилась в дверях. И тут же, пока еще она видела (я сделал это для того, чтобы она видела), я стал брать со стола вещи, подсвечники, чернильницу, и бросать оземь их, продолжая кричать:

— Уйди! убирайся! Я не отвечаю за себя!

Она ушла — и я тотчас же перестал» (12, 177).

Евангелие говорит, что опустошенная душа без Бога становится прибежищем бесов, которые начинают руководить человеком помимо его воли: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит его незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого» (Мф. 12:43–45).

Толстой записал в Дневнике 4 июля 1889 года: «Он (Позднышев) должен чувствовать, что он сам довел ее до этого, что он убил ее прежде, когда возненавидел, что

он искал предлога и рад был ему» (12, 447). Таким образом, предполагаемая супружеская измена явилась только предлогом для убийства, которое было совершено «в припадке бешенства», однако совершенно сознательно человеком, направляемым бесами, «обесовленным»: «Когда люди говорят, что они в припадке бешенства не помнят того, что они делают, — это вздор, неправда. Я все помнил и ни на секунду не переставал помнить. Чем сильнее я разводил сам в себе пары своего бешенства, тем ярче разгорался во мне свет сознания, при котором я не мог не видеть всего того, что я делал. Всякую секунду я знал, что я делаю» (12, 192).

Сходный пример подобного внутреннего состояния — в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866). Родион Раскольников, вспоминая о совершенном убийстве, также говорил о губительной власти над ним нечистой силы, орудием и жертвой которой он стал в момент преступления: «...черт-то меня тогда потащил <...> Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!.. А старушонку эту черт убил»²⁴.

Причины бесовской одержимости во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, в семейных отношениях следует искать в их изначальных целях. Толстой считает, что цели эти по природе своей эгоистичны. Обе стороны брачного союза рассчитывают получить как можно дольше («навек», «навек») и как можно больше радости, удовольствия, наслаждения. Рано или поздно такие расчеты и ожидания не оправдываются. И тогда каждому из супругов представляется, что их брак был ошибкой, что они выбрали не того или не ту. Отсюда неизбежны разлад и семейные ссоры, взаимные упреки и оскорбления, озлобление и ненависть, чреватые трагическими последствиями.

Толстой убедительно показывал духовную несостоятельность эгоистического образа жизни, с которым неизбежно связаны лицемерие, ложь, злоба, ожесточение, отпадение от Божьей правды в самых безобразных проявлениях. И наоборот: «Если деятельность человека освящена истиной, то последствия такой деятельности добро (добро и себе и другим); проявление же добра всегда прекрасно» (12, 442), — записал Толстой в своем Дневнике 27 декабря 1889 года.

В «Послесловии к „Крейцеровой сонате“» писатель объяснял: «Вывод же, который можно сделать из этого, тот, что надо перестать думать, что любовь плотская есть нечто особенно возвышенное, а надо понять, что цель, достойная человека, — служение ли человечеству, отечеству, науке, искусству ли (не говоря уже о служении Богу) — какая бы она ни была, если только мы считаем ее достойной человека, не достигается посредством соединения с предметом любви в браке или вне его, а что, напротив, влюбление и соединение с предметом любви (как бы ни старались доказывать противное в стихах и прозе) никогда не облегчает достижение достойной человека цели, но всегда затрудняет его» (12, 201).

Будучи главой большого семейства и отцом тринадцати детей, поздний Толстой признал брак «падением» человека, «грехом»: «Идеал христианина есть любовь к Богу и ближнему, есть отречение от себя для служения Богу и ближнему; плотская же любовь, брак есть служение себе и потому есть, во всяком случае, препятствие служению Богу и людям, а потому с христианской точки зрения — падение, грех» (12, 206).

Тема семьи была в фокусе внимания многих писателей — современников Толстого. В личном и социальном планах семье придавалось огромное значение. Сам Толстой также был убежден, что «род человеческий развивается только в семье» (12, 444).

В то же время в капиталистическую эпоху с ее хищническими установками, наподобие той, что прозвучала в романе Лескова «На ножах» (1871) как девиз негодяев

²⁴ Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. — Л.: Наука, 1988–1996. — Т. 5. — С. 397–398.

и мерзавцев — новых буржуа: «Глотай других, пока тебя не проглотили», — особенно наглядно и остро проявились эгоистические, индивидуалистические тенденции к разрыву всех человеческих связей, в том числе родственных, семейных.

«Хронику выморочного семейства», члены которого прямо или опосредованно, разными способами постепенно истребляли друг друга, представил М. Е. Салтыков-Щедрин в романе *«Господа Головлевы»* (1880). Писатель назвал свое произведение «общественным романом», связывая историю духовной деградации и физической гибели дворянской семьи с подобными социальными процессами.

Тему «случайного семейства», то есть такого, которое находится в кризисном состоянии хаоса, беспорядка, разброда, глубоко разрабатывал Достоевский в романе *«Подросток»* (1875) и других произведениях. Члены «случайного семейства» не готовы к ответственности друг за друга, существуют в уединении, каждый сам по себе, будто в параллельных мирах. Все это является показателем не только распада семьи, но и разложения общества.

«Мысль семейная», как сформулировал Толстой, явилась центром его романа *«Анна Каренина»* (1877). Начало романа, его самая первая мысль, ныне хрестоматийно известная: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» (8, 7), — говорит о том, что речь пойдет именно о несчастливых семьях. Писатель изображает жизнь нескольких дворянских семей, и все они, если использовать терминологию Достоевского, представляют собой «случайные семейства». Такова семья Стивы и Долли Облонских: «Все члены семьи и домочадцы чувствовали, что нет смысла в их сожительстве и что на каждом постоялом дворе случайно сошедшиеся люди более связаны между собой, чем они, члены семьи и домочадцы Облонских» (8, 7). Толстовские слова как характерная примета утраченной гармонии жизни: «Все смешалось в доме Облонских» (8, 7), — стали крылатой фразой.

Разрушен безлюбивый, искусственный брак Карениных. Союз Анны и ее любовника Вронского так и не стал семьей. «Если бы я могла быть чем-нибудь, кроме любовницы, страстно любящей одни его ласки; но я не могу и не хочу быть ничем другим. И я этим желанием возбуждаю в нем отвращение, а он во мне злобу, и это не может быть иначе» (9, 358). Эгоистическая жизнь, посвященная чувственной страсти, погоне за наслаждениями, приводит Анну к трагическому финалу под колесами поезда. Вронский пытается покончить с собой; затем отправляется на войну, ища верной гибели.

Константин Левин — «положительный идеал человека в поисках истины»²⁵, alter ego Льва Толстого — счастлив в браке с Кити. Однако писатель считает, что брак хотя и важное, но все же узколичное, эгоистическое дело человека, не приближающее его к правде Божьей.

Так, Левин «после женитьбы стал более и более ограничиваться жизнью для себя» (9, 388). Поэтому, будучи счастливым семьянином, «он был в мучительном разладе с самим собою и напрягал все душевные силы, чтобы выйти из него» (9, 385). Герой борется с собой, чтобы не поддаться искушению самоубийства: «И, счастливый семьянин, здоровый человек, Левин был несколько раз так близок к самоубийству, что спрятал шнурок, чтобы не повеситься на нем, и боялся ходить с ружьем, чтобы не застрелиться» (9, 387).

Утратив свои «детские и юношеские верования» в Бога, Левин «ужаснулся не столько смерти, сколько жизни без малейшего знания о том, откуда, для чего, зачем и что она такое» (9, 383). Брак по любви, рождение ребенка не дают ответа на эти вопросы. «В бесконечном времени, в бесконечности материи, в бесконечном простран-

²⁵ Фет А. А. Что случилось по см[ерти] Анны Кар[ениной] в Русск[ом] В[естнике] // Литературное наследство. — Т. 37—38: Л.Н. Толстой. — М., 1939. — Кн. 2. — С. 231—238 — С. 236.

стве выделяется пузырек-организм, и пузырек этот подержится и лопнет, и пузырек этот — я» (9, 386), — размышляет герой. Человек искренний, напряженно думающий, ищущий ответа на вечные вопросы бытия, он сознает: «Без знания того, что я такое и зачем я здесь, нельзя жить. А знать я этого не могу, следовательно, нельзя жить» (9, 386). «В первый раз тогда поняв ясно, что для всякого человека и для него впереди ничего не было, кроме страдания, смерти и вечного забвения, он решил, что так нельзя жить, что надо или объяснить свою жизнь так, чтобы она не представлялась злой насмешкой какого-то дьявола, или застрелиться» (9, 395).

Мучившие его трагические «странные вопросы» о бессмысленности бренной жизни не отпускают сознание героя даже в то время, когда он старательно занимается домашними делами, помещичьим хозяйством. Например, во время молотьбы: «Зачем все это делается? — думал он. — Зачем я тут стою, заставляю их работать? Из чего они все хлопчут и стараются показать при мне свое усердие? <...> И главное, не только их, но меня закопают, и ничего не останется. К чему?» (9, 391).

На эти мысли неожиданно прозвучали ответы из уст мужика Федора, и они потрясли Левина своей безыскусственной правдой: «— Да так, значит — люди разные; один человек только для нужды своей живет, хоть бы Митюха, только брюхо набивает, а Фоканыч — правдивый старик. Он для души живет. Бога помнит.

— Как Бога помнит? Как для души живет? — почти вскрикнул Левин.

— Известно как, по правде, по-Божью» (9, 392).

Левин получил разъяснения, какие не могли дать мудрецы и философы, которых он усердно штудировал. Выход из тупика, из подстерегающей трагедии любимый толстовский герой обрел в христианской вере — в той, какой верует простой народ, что жить надо не «для нужды», а «для души», «по правде, по-Божью»; что «надо любить ближнего и не душить его» (9, 395). Смысл человеческого существования наконец предстал перед героем ясно и отчетливо, словно озаренный светом Божественной истины: «...жизнь моя теперь, вся моя жизнь, независимого от всего, что может случиться со мной, каждая минута ее — не только не бессмысленна, как была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!» (9, 416).

Так в «семейном» романе «*Анна Каренина*» Толстой утверждает не семейные ценности, а высший идеал — «веру в Бога, в добро как единственное назначение человека» (9, 398).

5

Проблема брака, семьи, отношений мужчины и женщины как сложная область человеческих взаимосвязей также глубоко волновала Лескова: «...это мне очень важно, т. к. этого приходится касаться в вымыслах»²⁶, — делился он с Меньшиковым. В доктрине Толстого Лесков не мог согласиться с требованием воздержания от плотской любви. Не только потому, что для человечества это «*хомут не по плечам*», но прежде всего — это «противно великой необходимости призыва на землю для воплощения множества душ», которым необходимо реализовывать Божественный замысел: «Но как, по его же словам, — пишет Лесков о Толстом, — не выберешь „дубинки без кривинки“, то мне в его толковании „кривинкою“ кажется то, что касается отношения полов — брака, чадорождения и проч. к сему подходящего. Здесь я чувствую какую-то резкую несогласимость с законами природы и с очевидною потребностью для множества душ явиться на земле и проявить себя в исполнении воли Творца. Тут

²⁶ Лесков Н. С. Письма к Меньшикову // ИРЛИ. — Рукописный отдел. Архив Лескова. — Ф. 22574. — CLVIIIб. — 61. — Л. 17.

я Л<ьва>. Н-<иколаеви>ча не понимаю и отношу его учение к крайностям его кипучего, страстного духа, широкого в своих реяниях во все стороны: а сам я смелее прилежу к практичному москвичу Кавылину (основат<елю> Преображенск<окого> кладбища), который думал и учил, что „естественно есть мужа к жене соизволение“, и в том есть „тайна Создавшего“, а „установление к сему человеческое: да отец будь чадам, а не прелюбодей“. И это мне кажется еще очень „довлеет злобе дня“, и незачем было сочинять „хомут не по плечам“, и тем людей пугать и давать против себя орудие пустословам. Пусть-ка каждый, поддавшийся „соизволению“, „будет отцом, а не прелюбодем“, и это еще будет хорошо, и впору, и натуре вещей сродно, и не тягостно, и не противно великой необходимости призыва на землю для воплощения множества душ, все высшего и высшего порядка и совершенства»²⁷.

Толстой не признавал супружеских отношений «даже в том случае, если бы вступающие в брак имели бы целью продолжение рода человеческого. Таким людям, вместо того чтобы вступать в брак для произведения детских жизней, гораздо проще поддерживать и спасать те миллионы детских жизней, которые гибнут вокруг нас от недостатка не говорю уже духовной, но материальной пищи. Только в том случае мог бы христианин без сознания падения, греха вступить в брак, если бы он видел и знал, что все существующие жизни детей обеспечены» (12, 206).

Не опровергая толстовское положение о том, что на земле господствует «голод тела, голод ума, голод души» (19, 221), что особенно трагически отражается на детях, Лесков в то же время был убежден: «Множиться людям надо, — иначе род наш станет на том, на чем мы сейчас стоим, и в этом состоянии человечество еще не годится к воссоединению с тем, от чего оно отпало, после того как „была брань на небеси“»²⁸.

Уже через несколько дней Лесков вновь пишет Меньшикову о волнующем его вопросе «естественного мужа к жене соизволения», полемизируя с толстовской позицией, противопоставляя ей собственное решение проблемы. Признавая влечение полов и естественность плотской любви, писатель желает, чтобы во главе союза мужчины и женщины стояли не только *плоть и кровь*, но также *душа и разум*, чтобы *физическое пребывало в гармонии с духовным, нравственным*. «Нам надо очищать вкус людей, а не вырывать вон естественного закона природы, — считает Лесков. — Дурно, что сближением полов до сих пор главным образом руководят „плоть и кровь“, а не дух, не разум, — любовь родится только потому, что „аппетит манит“, а не по благоразумию, и Шопенгауэр об этом говорил лучше, чем в „Крейцеровой сонате“»²⁹.

Лесков начал работу над тремя произведениями, оставшимися незавершенными: «По поводу „Крейцеровой сонаты“», «Особенно чувствительно уязвила генерала Попяткина „Крейцера соната“...», «Короткая расправа»³⁰.

В недатированном отрывке «Особенно чувствительно уязвила генерала Попяткина „Крейцера соната“...», как и в короткой заметке «О браке» (1891)³¹, писатель справедливо считает, «что надо, чтобы человек выбирал себе жену за ее ум, характер и хорошее умение жить, а не за джерси да за нашлепку»³².

Здесь Лесков упоминает те атрибуты, которые в «Крейцеровой сонате» стали знаками уловления мужчин в женские сети: «джерси» — дорогостоящая трикотажная

²⁷ Лесков Н. С. Письмо к М. О. Меньшикову от 11 июня 1893 года // Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Лесков Н. С. Письмо к М. О. Меньшикову от 20 июня 1893 года // Там же.

³⁰ См.: Творчество Лескова в 1880–1890-е годы. Неосуществленные замыслы // Литературное наследство. — Т. 101. — Кн. 1: Неизданный Лесков. — М.: Наследие, 1997. — С. 382–398.

³¹ Лесков Н. С. О браке // РГАЛИ. — Ф. 275. — Оп. 1. — Ед. хр. 30.

³² Лесков Н. С. «Особенно чувствительно уязвила...» // Литературное наследство. — Т. 101. — Кн. 1: Неизданный Лесков. — М.: Наследие, 1997. — С. 494.

ткань, облегающая фигуру; «нашлепка» — язвительное слово, обозначающее в толстовской повести модный накладной аксессуар одежды для зрительного эффекта увеличения женских форм.

Герой «Крейцеровой сонаты», который «жил до тридцати лет, ни на минуту не оставя намерения жениться и устроить себе самую возвышенную, чистую семейную жизнь, и с этой целью приглядывался к подходящей для этой цели девушке» (12, 137), принимая решение о вступлении в брак, попался именно на «джерси» и «нашлепку» — уловки, подогревающие чувственность: «В один вечер, после того как мы ездили в лодке и ночью, при лунном свете, ворочались домой и я сидел рядом с ней и любовался ее стройной фигурой, обтянутой джерси, и ее локонами, я вдруг решил, что это она. <...> В сущности же, было только то, что джерси было ей особенно к лицу, также и локоны, и что после проведенного в близости с нею дня захотелось еще большей близости» (12, 137). Позднышев был пойман, как жертва в капкан: «Ну, а тут так пошло: и мое состояние, и платье хорошо, и катанье на лодках удалось. Двадцать раз не удавалось, а тут удалось. Вроде как капкан. Я не смеюсь. Ведь теперь браки так и устраиваются, как капканы» (12, 140).

Толстовский герой резко нападает на моду, бесстыдно выставяющую напоказ женское тело: «Кокетка знает это сознательно, но всякая невинная девушка знает это бессознательно, как знают это животные. От этого эти джерси мерзкие, эти нашлепки на зады, эти голые плечи, руки, почти груди» (12, 139). В «Послесловии к „Крейцеровой сонате“» Толстой продолжил тему развращающей моды: «...от этого — праздность мужчин и бесстыдство женщин, не пренебрегающих выставленным по модам, заимствуемым от заведомо развратных женщин, вызывающих чувственность частей тела» (12, 200–201).

Лесков в статье «Карикатурный идеал» (1877) задолго до «Крейцеровой сонаты», поднимая вопрос о вступлении в брак, справедливо замечал, что для будущей жены явно недостаточно «некоторой способности ловить мужчин в женские тенета»; ей должно хватать и «благородства характера», «и живой веры, кротости и упования, которые так возвышают нравственный облик женщины» (X, 224).

Свободное согласие мужчины и женщины — одно из главных условий христианского брака. Однако выбор мужа и жены — шаг чрезвычайно важный, поскольку супруги в своем союзе несут полную ответственность друг за друга. В письме к Б. М. Бубнову от 14 мая 1891 года о цели сближении полов («паровании») Лесков высказывается более определенно и судит с религиозных позиций: «парование» должно происходить «не по облюбованию бедр и „сосковой линии“», но «по согласию в мыслях и стремлениях к достижению высших целей бытия (выделено мной. — А. Н.-С.)» (XI, 488). Цели же эти, по Лескову, — в том, чтобы «Царство Божие настало на земле»³³. Писатель напоминает: «...любовь есть величайшая и всемогущественная сила, и ее игнорировать нельзя: „она творит святых и героев“» (XI, 489).

«Остро психологический опус» (2, 99) Лескова «По поводу „Крейцеровой сонаты“» (1890), написанный, правда, только «вдоль» (как говорил художник о своих незавершенных произведениях), имел вариант заглавия «Дама с похорон Достоевского»³⁴. Здесь писатель вступил в полемику с Толстым и Достоевским по вопросам практической этики.

Отправной точкой рассказа Лескова становятся «достоевские» мотивы. Достоевский был «духовным наставником» дамы, обращавшейся к нему за советом: признать ли мужу в измене? Убеденный в целительной роли страдания («Пострадать хо-

³³ Лесков Н. С. <Заметка о литературе> // В мире Лескова. — М.: Сов. писатель, 1983. — С. 365.

³⁴ Рассказы кстати (По поводу «Крейцеровой сонаты»). Посмертный очерк Н. С. Лескова // Нива. — 1899. — № 30. — С. 557–564.

чу — и страданием очищусь» — важнейший показатель духовного роста Дмитрия Карамазова в вершинном романе Достоевского «*Братья Карамазовы*» (1881)), писатель дал посетительнице «рецепт» *очиститься страданием*: «Лучше открыть свою гадость, перенести наказание и быть униженной, разбитой, выброшенной на мостовую...» Истеричная, экзальтированная дама, находясь под сильным воздействием этой проповеди, пытается вести себя «по Достоевскому». Но все же она не решается немедленно последовать данному ей указанию; «грешница» пребывает «на распутье»: «...эти похороны... эти цепи... этот человек, который производил на меня такое необыкновенно сильное, ломающее впечатление, это лицо и воспоминание обо всем, что мне приходилось два раза в жизни рассказывать, *перепутало все мои мысли*» (IX, 34).

После похорон Достоевского с тем же вопросом дама обратилась к Лескову. Первый биограф писателя А. И. Фаресов, освещая этот эпизод, замечал: «Лесков часто говорил мне о ней»³⁵. Жизненная ситуация, когда разные лица обращались к известным писателям за советом или духовной помощью, ища разрешения недоумений, облегчения в бедах, утешения в скорби, была привычной для того времени. В этой связи рассказ Лескова можно рассматривать «как образ памяти писателя»³⁶.

Однако же лесковское художественное произведение во многом отличается от воспоминаний писателя, изложенных Фаресовым. Если в рассказе Лескова героиня уже сделала свой нравственный выбор и ее тревожит лишь вопрос о покаянии: расстаться ли ей с любовником, признавшись мужу в своей многолетней связи, или же не открываться перед ним, то в передаче Фаресова посетительницу писателя волнует иная дилемма: «признаться ли ей мужу в том, что она любит другого, или продолжать ей обманывать его» (61). Обе ситуации чреватые семейной трагедией и неизбежно ведут к страданиям — не только самой изменницы, но и близких ей людей.

Достоевский категорично предписывал универсальные жесткие рецепты поведения. Лесков же «видел в сочетании „отвлеченной философии“ и ярких образов порождение соблазняющей литературности, то есть искусственности, закрывающей истинную глубину жизни»³⁷. Истина для Лескова не может быть теоретически абстрактной, отвлеченной — она всегда живая, конкретная.

Суровому этическому максимализму Достоевского Лесков противопоставил страдающий, божеский взгляд: «Бог вам судья в этом деле, а не я» (61). «Даме с похорон Достоевского» писатель дает совет, прямо противоположный тому, что был получен ею от проповедника очистительного страдания: «если можно не вызывать страдания, зачем вызывать его» (IX, 39). Такова наиболее безболезненная, взвешенная и приемлемая развязка клубка семейных проблем: «разойтись с человеком труднее, чем сойтись» (61).

Это вовсе не означает, что Лесков упрощает проблему, «переводя конфликт с высоких трагических переживаний и противоречий в разряд обыденного, повседневного»³⁸, или «соскальзывает, — как рассудил А. А. Измайлов, — в область того меркан-

³⁵ Фаресов А. И. Н. С. Лесков в последние годы // Живописное обозрение. — 1895. — № 10. — 5 марта. С. 184–186 // Конволют А. Г. Биснека. — С. 61. Статья А. И. Фаресова содержится в конволюте Г. А. Биснека из личной библиотеки А. Н. Лескова, хранящейся в отделе редкой книги Орловского государственного литературного музея И. С. Тургенева. Ручкой сына Н. С. Лескова на первой странице в центре сделана запись: «Получено в дар от Андрея Густавовича Биснека 19 июля 1940 года. Андрей Лесков»; ниже — следующая запись: «Этот исключительной милоты и культуры человек погиб в блокаде Ленинграда от голода. Андрей Лесков». Далее страницы статьи Фаресова приводятся по конволюту Биснека.

³⁶ Евдокимова О. В. Мнемонические элементы поэтики Н. С. Лескова. — СПб.: Алетейя, 2001. — С. 182.

³⁷ Там же. — С. 186.

³⁸ Анкудинова О. В. Идеино-творческие искания Н. С. Лескова 90-х годов: Дис. <...> канд. филол. наук. — Харьков, 1975. — С. 55.

тильного практицизма, той земной и будничной рассудочности, от к <ото> рой, к сожалению, часто не умел воздерживаться и к <ото> рая однажды бесконечно возмутила Меньшикова, когда пророческому требованию от человека исповеди Достоевским он противопоставил глубоко пошлую „невыгодность“ очистительной грозы покаяния для обеих заинтересованных сторон»³⁹. Напротив, разбирая чужие грехи и проявляя деликатность в отношении ошибок и заблуждений людей, Лесков подходит к проблеме как православный христианин — с духовно-чуткой осторожностью.

Именно проявлению милости к людям учил преподобный Серафим, Саровский чудотворец: «Дух смущенного или унывающего человека надо стараться ободрить словом любви. Все мы требуем милости Божией... Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай»⁴⁰. Глубоко религиозный христианин, как замечал православный философ и писатель И. А. Ильин, всегда готов признать, что «в человеке есть грех наследственный, который трудно вменить ему или во всяком случае — ему одному», «есть грех невольный, грех пассивности (неделания), грех беспомощности и неумения», «грех от страха и иные различные, трудно исчислимые и непредвидимые грехи, которые допускают снисхождение <...> и удерживают <...> человеческие суд и приговор от строгости»⁴¹. «Нельзя предъявлять ко всем слишком больших требований, удовлетворить которым может только любовь совершенная»⁴², — размышлял Лесков в статье «О рожне. Увет сынам противления».

Проблему свободы выбора, перед которой оказалось человечество со времен грехопадения, Лесков рассматривал как христианскую задачу самоопределения и самовоспитания личности. Писатель воздержался от категоричных советов посетившей его даме: «Чужую жизнь легко устраивать, а надо бы испробовать прежде всего <...> собственные силенки. <...> Характер не калач покупной. Оттого я ничего не советую Вам, пока Вы сами не начнете борьбу с своей природой. А у Вас в ней есть и много хорошего: это стыд природы и боязнь чужих страданий»; «...победите самую себя, а не убивайте других, делая их несчастными» (61–62).

Важную этико-психологическую нагрузку несет в рассказе едва заметная художественная деталь: дама передвигает зеленый кружок абажура, пытается скрыться от света. С «зеленой лампой» у Лескова было связано излюбленное представление о спокойной семейной жизни как одной из важнейших человеческих ценностей. В лесковской беллетристике, в письмах неоднократно рисуется картина сбора «всех членов семьи для мирной беседы или чтения *за круглым семейным столом и тихой семейной лампой, льющей ровный свет из-под абажура, сделанного женской рукой* (курсив А. Н. Лескова. — А. Н.-С.)» (2, 97–98). В рассказе своей взволнованной посетительнице писатель пытается внушить ту же мысль о сохранении семейного благополучия у «домашней лампы»: «...стакан чаю, самовар и домашняя лампа — это прекрасные вещи, около которых мы группируемся» (IX, 40).

Однако психологически многозначителен жест героини, закрывающей зеленый кружок абажура: свою семью она почти разрушила, и ей страдальчески нестерпим уютный свет чужой домашней лампы. В то же время грешница безотчетно пытается укрыться и от иного света — *Света Христовой истины*. Лесков духовно «врачает» свою «пациентку», отчаявшуюся, болезненно спутавшую религиозно-нравственные ори-

³⁹ Измайлов А. А. Лесков и его время // ИРЛИ. — Ф. 115. — Ед. хр. 5.

⁴⁰ Цит. по: Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Преподобный Серафим // Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Избранное. — Петрозаводск: Святой остров, 1992. — С. 431.

⁴¹ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. — М.: Париж, 1993. — С. 333.

⁴² Лесков Н. С. О рожне. Увет сынам противления // Лесков Н. С. О литературе и искусстве. — Л.: ЛГУ, 1984. — С. 131.

ентиры. «Измену принес мне сам дьявол, — если хотите, я верю в дьявола» (IX, 37), — мрачно вскрикивает нервическая дама. Но веровать ей надо в Бога, идти к Нему, не прятаться от Его света. Рецепт духовного выздоровления есть: необходимо и возможно «найти достаточно поводов жить для других» (IX, 42), то есть выйти «за узкие пределы эгоистического сознания и самолюбования жертвенностью — к деятельному добру, незаметному подвигу самопожертвования»⁴³.

Полемически заостряя свой рассказ против этического максимализма Достоевского, Лесков в то же время усмотрел в «Крейцеровой сонате» Толстого идеи, созвучные собственным: «...если женщина такой же совершенно человек, как мужчина, такой же равноправный член общества и ей доступны те же самые ощущения, то человеческое чувство, которое доступно мужчине, как это дает понять Христос, как это говорили лучшие люди нашего века, как теперь говорит Лев Толстой и в чем я чувствую неопровержимую истину, — то почему мужчина, нарушивший завет целомудрия перед женщиной, которой он обязан верностью, молчит, молчит об этом, чувствуя свой проступок, иногда успевает загладить недостойность своих увлечений, то почему же это самое не может сделать женщина? Я уверен, что она это может» (IX, 39).

Однако в отношении толстовской позиции Лесков выдал желаемое за действительное. Перерабатывая «Крейцерову сонату», Толстой явил «разномыслие» с лесковским истолкованием его повести, «усилил аскетизм и резкость ее концепции, удалив как раз то, что было Лесковым вынесено в эпиграф к рассказу. И тем самым невольно остроумная, после долгих колебаний и борений „придуманная“ Лесковым „защита“ Толстого потеряла почву, оказалась натянутой»⁴⁴.

Отрицая социальный институт брака, Толстой апеллировал к христианской истории: «Христос не давал никаких определений жизни, Он никогда не устанавливал никаких учреждений, никогда не устанавливал и брака <...> Христос не только никогда не устанавливал брака, но уж если отыскивать внешние определения, то скорее отрицал его („оставь жену и иди за мной“), церковные учения, называющие себя христианскими, установили брак как христианское учреждение, то есть определили внешние условия, при которых плотская любовь может для христианина будто бы быть безгрешною, вполне законною <...> Только потому, что над некоторой частью соединяющихся совершается духовенством за деньги известная церемония, называемая церковным браком, люди нашего мира наивно или лицемерно воображают, что живут в единобрачии» (12, 204—205).

В то же время в святоотеческом духовном наследии наряду с прославлением безбрачия и целомудрия существует понятие о том, что и жизнь в браке не является препятствием к достижению вечного блаженства, но, напротив, «есть средство, облегчающее путь к нему, когда супруги взаимно помогают друг другу. Особенно замечательно мнение, высказанное Иоанном Златоустом о людях, которые, увлекшись аскетизмом, разрывают брачный союз для подвигов отшельнической жизни. Он указывает на опасность подобных разрывов брака. Оставляя свою жену, чтобы удалиться в пустыню, муж подвергает ее искушениям, и в случае ее падения вся ответственность падает на него самого»⁴⁵.

Союз мужчины и женщины является одним из первых даров Бога человеку. Ева, сотворенная из ребра Адама, плоть от плоти и кость от кости — его alter ego: «...любя-

⁴³ Столярова И. В. Нравственно-эстетическая позиция Н. С. Лескова в «рассказах кстати» («По поводу „Крейцеровой сонаты“», «Дама и фефела») // Нравственно-эстетическая позиция писателя: Межвуз. сборник науч. трудов. — Ставрополь, 1991. — С. 89.

⁴⁴ Туниманов В. А. Лесков и Л. Толстой // Лесков и русская литература. — М.: Наука, 1988. — С. 187.

⁴⁵ Ешевский С. Очерки язычества и христианства // Ешевский С. Сочинения. Ч. 1. — М., 1870. — С. 538—539.

щий свою жену любит самого себя» (Еф. 5:28); «Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как Господь Церковь» (Еф. 5:29), «...поэтому оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика» (Еф. 5:31–32). Апостол Павел в своем учении о браке возносит супружество и семью на такую высоту, где правит абсолютная любовь Христа: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее» (Еф. 5:25).

Христианская Церковь никогда не порицала брака, но — напротив — одобряла и благословляла его. Лесков также брака не отрицает и расходится с автором «Крейцеровой сонаты» в исходной позиции: «Я все хотел видеть хороший, нравственно устроенный брак, а не зарекательство от этого»⁴⁶, — пишет Лесков дочери Толстого Татьяне Львовне.

В проблеме отношений между полами Толстой усматривал «несвободу и неполноту» из-за «неотдельности мужчины от женщины»⁴⁷, тогда как, согласно лесковскому пониманию, солидарному со святоотеческим учением, союз мужчины и женщины является божественным установлением и не только не обедняет человека духовно, но — наоборот — способствует полноте реализации личности. По мысли отцов Церкви (Климента Александрийского, Блаженного Августина), жена — подруга и помощница, необходимое дополнение своего мужа: «Только вместе с нею человек становится существом цельным и полным, каким он должен быть сообразно Божественным целям»⁴⁸. Если Толстой утверждал: «Вступление в брак не может содействовать служению Богу и людям» (12, 206), то Лесков считал, что в своем союзе мужчина и женщина могут стремиться «к достижению высших целей бытия» (XI, 488). Более того — женщина не только не «разъединяет» мужчину с людьми, но писатель говорит о «возвышающей женщине», «возносящей дух мужчины выше и объединяющей его с Божеством» (XI, 489).

Впоследствии Толстой пересмотрел свои крайние взгляды, о чем свидетельствует его дневниковая запись от 7 октября 1892 года: «Если бы мне дали выбирать: населить землю такими святыми, как я только могу вообразить себе, но только чтобы не было детей, или такими людьми, как теперь, но с постоянно прибывающими свежими от Бога детьми, я бы выбрал последнее»⁴⁹.

⁴⁶ РГАЛИ. — Ф. 275. — Оп. 3. — Ед. хр. 12. — Л. 29.

⁴⁷ Касаткина Т. Философия пола и проблема женской эмансипации в «Крейцеровой сонате» Л. Н. Толстого // Вопросы литературы. — 2001. — № 4. — С. 222.

⁴⁸ Ешевский С. Очерки язычества и христианства // Ешевский С. Сочинения. — М., 1870. — Ч. 1. — С. 539.

⁴⁹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. (Юбилейное издание). — М.; Л.: ГИХЛ, 1928–1958. — Т. 52 — С. 74.